

Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России

Анна Юрьевна Ардалянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardy2004@mail.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Хабаровский краевой институт развития образования; Тихоокеанский государственный университет,
Хабаровск, Россия, kovalevskiy@yandex.ru
Константин Николаевич Сердюков
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, customs-toll@yandex.ru
Айтал Игоревич Яковлев
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, aytalyakovlev@mail.ru

Ключевые слова: демографические процессы, миграция, трудовые мигранты, социальная адаптация и интеграция, социальное благополучие, региональное развитие, Дальний Восток

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411, <https://rscf.ru/project/22-28-00411/>

Для цитирования: Ардалянова А. Ю., Винокурова А. В., Ковалевский А. В., Сердюков К. Н., Яковлев А. И. Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 69–76. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>

Round Table
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>

Migrants and migrations in the Russian Far East

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardy2004@mail.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru
Andrey V. Kovalevsky
Khabarovsk Regional Institute for the Development of Education;
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, kovalevskiy@yandex.ru
Konstantin N. Serdyukov
Pacific Geographical Institute of Far Eastern Branch of RAS; Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, customs-toll@yandex.ru
Aital I. Yakovlev
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk; Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, aytalyakovlev@mail.ru

Key words: demographic processes, migration, labor migrants, social adaptation and integration, social well-being, regional development, Far East

The study was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00411, <https://rscf.ru/project/22-28-00411/>

For citation: Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Kovalevsky A. V., Serdyukov K. N., Yakovlev A. I. Migrants and migrations in the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 69–76. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>

Межрегиональный круглый стол "Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России", который был проведён 26 апреля 2023 года, объединил исследователей из Дальневосточного федерального университета, Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток, Россия), Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Якутск), Тихоокеанского государственного университета и Хабаровского краевого института разви-

тия образования (Хабаровск). Мероприятие прошло в смешанном формате, представители академического и вузовского сообщества обсудили различные аспекты, связанные с исследованием миграционной проблематики.

Основные направления дискуссии были сформулированы следующим образом:

- актуальные проблемы и тенденции развития демографической ситуации и миграционных процессов в регионах Дальнего Востока;
- специфика иностранной трудовой миграции на Дальнем Востоке России;
- проблемы социальной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в принимающем региональном сообществе.

Виокурова А.В.: Уважаемые участники круглого стола! Позвольте вас поприветствовать, и давайте начнём наше мероприятие. Для начала хотелось бы обсудить общую демографическую ситуацию, сложившуюся на российском Дальнем Востоке, особое внимание уделив миграционным процессам.

Как мы все знаем, Дальний Восток занимает огромную территорию – 6,9 млн кв. км, что составляет более 40% от общей территории Российской Федерации. Но на такой масштабной территории проживает немногим более 8 млн чел., а это всего лишь 5,6% от всей численности населения нашей страны. Несмотря на принятие беспрецедентных мер, направленных на увеличение численности населения дальневосточных регионов: это уже набившие оскомину "Дальневосточная ипотека", "Дальневосточный гектар" и многие другие госпрограммы, переломить негативную демографическую динамику не удаётся. Даже если смотреть в краткосрочной ретроспективе, в последние десять лет практически все регионы Дальневосточного федерального округа продолжают терять население. Исключение составляют два региона – Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия. И если Якутия демонстрирует устойчивую положительную динамику, численность населения в этом регионе стабильно увеличивается, то в Бурятии данная тенденция неустойчива. Если же говорить о Приморском и Хабаровском краях, то эти территории являются наиболее заселёнными, но численность населения в них сокращается как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока.

Ардальянова А. Ю.: Здравствуйте, коллеги! Я дополню, всё же эти процессы весьма и весьма неоднородны, в том числе и в тех регионах, которые мы с вами представляем. Если конкретно говорить о миграциях, то, например, в Якутии миграционный обмен с другими российскими регионами отрицательный, а со странами СНГ – положительный. И позитивная миграционная динамика как раз и достигается за счёт притока мигрантов из СНГ, в первую очередь из государств Центральной Азии. Такая же ситуация в Приморье и Хабаровском крае. Но здесь приток мигрантов из Средней Азии не перекрывает отток местного населения. Поэтому и наблюдается отрицательное сальдо миграции.

Сердюков К. Н.: Да, уважаемые коллеги, хотелось бы добавить немного статистики, конкретизировать ваши тезисы. Дальний Восток на протяжении всей истории своего развития традиционно был и продолжает оставаться территориями высокой миграционной активности. Так, в 1990-е гг. лидирующие позиции в плане основного притока мигрантов довольно быстро занял Китай и достаточно долго удерживал эти позиции, но с 2000-х гг. всё поменялось. Миграция из КНР показала своё стремительное снижение. Например, уже начиная с 2013 года, Приморский край стал показывать с Поднебесной отрицательное сальдо миграции. В 2010-е гг. набирают силу потоки трудовой миграции из Средней Азии. И в настоящее время мигранты из стран ближнего зарубежья являются важнейшим источником восполнения трудовых ресурсов в дальневосточных регионах. В частности, в Приморский край наибольшее число мигрантов прибывает из Узбекистана. А как в других субъектах ДФО?

Виокурова А. В.: Да, вот здесь, как говорится, возможны варианты. В рамках реализации нашего гранта РНФ "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи" мы предприняли две экспедиции: в Якутск и Хабаровск. Так вот, в Якутии заметное численное превосходство имеют мигранты из Кыргызстана. А в Хабаровском крае больше всего иностранных мигрантов

из Таджикистана. И вот двое из участников нашего круглого стола как раз и представляют эти регионы. Коллеги, чем можно объяснить такую специфику?

Ковалевский А. В.: Анна Викторова, коллеги, благодарю за предоставленную возможность принять участие в работе круглого стола. Что касается вашего вопроса, то в Хабаровском крае такая ситуация сложилась потому, что в регионе достаточно неплохо отлажен механизм работы госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников. Примечательный факт: власти Таджикистана допускают наличие двойного гражданства, притом только с Россией. Соответственно, таджикские мигранты, прибывающие в Хабаровский край, становятся участниками госпрограммы, получают в облегченном режиме российское гражданство, сохраняя при этом гражданство Таджикистана. Программа позволяет мигрантам с нужной для региона профессией, например, врача или учителя, получать разные полезные бонусы при переселении именно на Дальний Восток. Более того, при общем темпе развития региона поток трудовых мигрантов сейчас также достаточно ощутим, а работа местных диаспор облегчает многие процессы уже на месте. Это в какой-то степени объясняет высокую численность таджикских мигрантов в Хабаровском крае.

Винокурова А. В.: Айтал Игоревич, а можете как-то конкретизировать ситуацию по Якутии? Как вы считаете, почему в Республику Саха именно из Кыргызстана едут трудовые мигранты?

Яковлев А. И.: Добрый день, коллеги! Что сказать по этому поводу? Для начала, конечно, необходимо отметить, так скажем, работу социальных связей. В Якутии так сложилось, что первые волны миграции были как раз из Кыргызстана. Другими словами, работают личные контакты, социальные сети, связи, т. е. последующие мигранты они не в никуда едут, а едут уже конкретно по рекомендации. Имеет место так называемый рекрутинг, мигранты, хорошо себя зарекомендовавшие, проявившие, понимающие, как нужно строить отношения с работодателем, по своим личным каналам собирают своих товарищей, проживающих в Кыргызстане, они приезжают в Якутию и уже далее осуществляют конкретную трудовую деятельность, занимают рабочие места в определённых отраслях, это как правило, индивидуальное жилищное строительство, сфера общественного питания, ЖКХ и пр.

Винокурова А. В.: Да, и вот далее можно перейти к аспектам адаптации и интеграции иностранных мигрантов из стран Центральной Азии в принимающем дальневосточном сообществе. Какие основные моменты в этом отношении можно выделить?

Ковалевский А. В.: Вот в данном ключе мы можем концептуально идти не от проблемы миграции как таковой, а отталкиваться от проблемы образа мигранта в общественном сознании. Кто такой мигрант? Почему мигрантов воспринимают как мигрантов? Как он, этот образ, формируется в принимающем сообществе? Если смотреть исторически, то конкретно в Хабаровске можно выделить нулевой, первый и второй поток миграции. Нулевой поток – это момент формирования Хабаровска именно как советского города, это период интенсивной урбанизации и экстенсивной индустриализации. И в этот период мигранты – это все те, кто приезжает в Хабаровский край со всех уголков Советского Союза. Мигранты – это многонациональный, полиэтничный, но априори советский народ. Здесь все по большей части – приезжие, и, соответственно, нет чёткого образа "чужака", другого, пришлого, т. е. всего того, что сейчас определяет образ мигранта.

Далее, в 1990–2000-е гг., это уже постсоветский период, формируется первый поток миграции. В бывших союзных республиках происходят локальные военные конфликты, снижается уровень и качество жизни. Поэтому жители этих республик начинают мигрировать, в том числе и на Дальний Восток. Но они уже едут к своим родственникам, землякам, кто попали на Дальний Восток в нулевой поток, кто здесь уже хорошо освоился. Другими словами, идёт закрепление по принципу этничности, взаимопомощи. И мигранты из постсоветского пространства воспринимаются как "свой", поскольку на Дальнем Востоке в тот период "чужие" – это китайцы.

А вот уже начиная с 2010-х гг. формируется стигма мигрантов уже в отношении выходцев из Средней Азии, бывших республик СССР. Их начинают в принимающем сообществе воспринимать как "понаехавших", "отнимающих

у местных рабочие места". Это как раз и есть условный второй поток мигрантов, которые едут на Дальний Восток не чтобы здесь остаться и жить, а чтобы здесь поработать, а потом вернуться обратно. Большинство из них уже не владеют или не очень хорошо владеют русским языком. Зачастую такой вот языковой барьер, и не только он, порождает трудности, связанные с адаптацией в принимающем сообществе.

Яковлев А. И.: Да, Андрей Владимирович, здесь ещё очень уместным будет понятие сломанной повседневности, мигрантского мира. В ходе сбора полевых материалов в Якутске часто употребляются понятия "узбекская жизнь", "жизнь кыргызов". И получается, что это ещё раз доказывает, что повседневность – многогранная, многослойная, мозаичная. При этом включает в себя цифровую составляющую. Цифровая среда – это обыденность. Иностранцы мигранты, находясь на Дальнем Востоке, имеют возможность быть в курсе событий, происходящих на их родине, регулярно общаться с родителями, супругами, детьми, другими родственниками, оставшимися там, таким образом, социальные сети предоставляют им возможность не выпадать из привычной среды. А если взять во внимание нецифровой, реальный ландшафт дальневосточных городов, то здесь для мигрантов одним из действующих инструментов привычной для них среды может выступать мечеть.

Винокурова А. В.: Да, вот хотелось бы уточнений: как религиозные практики мигрантов оказывают влияние на их повседневность? И, условно говоря, насколько это влияние велико?

Ковалевский А. В.: Хороший вопрос, а что мы понимаем под религиозными практиками? Вот, к примеру, человек всю жизнь прожил в России, переезжает куда-то в другую страну и продолжает праздновать Пасху, отмечать Масленицу. Вот это религиозная практика? Или речь идёт уже культурной практике?

Ардальянова А. Ю.: Отвечая на вопрос Андрея Владимировича, хотелось бы отметить следующее. Конечно, для русских, переезжающих за границу, религиозные праздники, такие как Пасха, это больше культурная практика. Для мигрантов-мусульман же праздник – в большей степени религиозная практика, хотя, в принципе, здесь элементы такого культурного традиционализма тоже имеют место. Да, для мусульманина важно сходить в мечеть, соблюдать пост в месяц Рамадан. "Мечеть имеет место быть" – так говорят наши информанты. И вообще, мечеть очень важна для мигрантов. В подтверждение этого тезиса я бы хотела привести некоторые цифры. Если мы обратимся к данным Минюста относительно количества зарегистрированных религиозных организаций, то сегодня в Дальневосточном федеральном округе зарегистрировано 1546 религиозных организаций, 53 из них мусульманские. Эта цифра, конечно же, ничтожна, например, в сравнении с тем же Приволжским федеральным округом, где количество только мусульманских организаций составляет 3812. Но чем примечательна ситуация на Дальнем Востоке сегодня? А тем, что она динамична. Вот если мы возьмём Приморский край, то двенадцать мусульманских религиозных организаций зарегистрировано у нас, и шесть из них, т. е. ровно половина, как раз за последние годы – с 2019 по 2022. В Хабаровском крае только в 2022 году зарегистрировано три мусульманские религиозные организации. Если рассматривать географию регистрации, то это не только центральные города, но и периферийные территории. В Хабаровском крае это город Бикин, порт Ванино, поселок Чегдомын. В Приморском крае – города Уссурийск и Находка, поселок Тавричанка Надеждинского района, село Камень-Рыболов Ханкайского района и другие.

Казалось бы, что объединяет ислам с данными территориями? А вот что – привлечённые на работу мигранты. По факту, где есть приток мигрантов, там регистрируется религиозная организация и открывается "мечеть" в виде молельного дома или даже комнаты. Возвращаясь к вопросу, традиция это или больше религия? На мой взгляд, больше религия, но здесь не только духовная функция религиозной организации играет большую роль. Помимо прочего, зарегистрированная религиозная организация является своеобразным представительством, которое может предоставить помощь, поддержку и даже защиту, оградить от конфликтов с местным населением, привлечь дополнительное финансирование на реализацию социальных проектов и многое другое. Она имеет значение с точки зрения получения различных связей,

контактов. Поэтому, конечно же, мигранты нуждаются вот в этой поддержке и с религиозной точки зрения, и с социальной.

Сердюков К. Н.: А вот сценарий с религиозными практиками, он на кого чаще всего распространяется?

Ковалевский А. В.: Да, вот это очень интересный вопрос. Если говорить про поколение тех, кто родился в России и живёт здесь с рождения, на них эти сюжеты как распространяются? Результаты наших исследований показывают, что здесь очень сильна инерция. Мигрантская молодёжь участвует в различных этнических праздниках, соблюдает традиции чаще в силу привычки, потому что "так принято".

Ардальянова А. Ю.: Соглашусь, что возраст здесь имеет значение. Религиозности свойственно развиваться со временем. Другими словами, если изначально молодой человек, в том числе и мусульманин, совершает религиозный обряд по традиции, то в более зрелом возрасте, когда уже обзавёлся семьей и детьми, делает это более осознанно. Многие остаются в мечети не только потому, что не хотят ссориться с родителями, близкими, но и потому, что сами хотят привить духовно-нравственные ценности уже своим детям. Молодости свойственно протестовать против традиционных ценностей, но трудовые мигранты часто в молодом возрасте уже имеют ребенка и даже не одного, а нескольких, и потому роль традиций и религии продолжает оставаться актуальной.

Яковлев А. И.: Можно я добавлю ещё один момент касательно религиозных компонентов, традиционной культуры. Это тоже важные составляющие повседневных практик. И во многом их передача идёт через женщин, в том числе и в мигрантском сообществе. Женщины из среды мигрантов – выходцев из Центральной Азии, как мы говорим, этнических мусульман, как правило, занимаются ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей. Они реже включены в производственно-трудовые отношения. Соответственно, трансляция тех или иных паттернов поведения осуществляется именно через них как матерей. Следовательно, религиозные практики мигрантов нужно рассматривать не только через призму возраста, но и гендера.

Винокурова А.В.: Помимо мечети, не менее важными институтами адаптации и интеграции иностранных мигрантов являются образование и профессиональное сообщество. Это показывают результаты исследований, в том числе и проведённых при нашем непосредственном участии в рамках грантовых проектов.

Общеобразовательная школа – это, на мой взгляд, очень мощный инструмент интеграции иностранных мигрантов в принимающее сообщество. Скорее, здесь речь идёт не о самих мигрантах, а об их детях. Ребёнок из семьи мигрантов попадает в школу, закреплённую за тем районом, где проживает эта семья. Но у нас, в дальневосточных поселениях, нет чётко очерченных мигрантских кварталов, районы, где живут мигранты весьма разнородны, там проживают совершенно разные социальные категории населения. Поэтому дети из семей мигрантов, вливаются в школьный коллектив, посещают кружки секции, прочие дополнительные занятия. Они очень активно взаимодействуют с другими детьми, которые проживают в этом же районе, и здесь этнический фактор перестаёт играть главенствующую роль. Соответственно, ребёнок из семьи мигрантов очень быстро становится частью принимающего сообщества.

Ковалевский А. В.: Анна Викторовна, хотелось бы дополнить. В общем-то, детей из семей мигрантов можно разделить на несколько категорий. Во-первых, это те, кто родились здесь на Дальнем Востоке, жили здесь, никогда не ездили на родину родителей. В основном такие дети полностью ассимилированы, они часто даже и не знают своего родного языка. Как правило, после окончания школы получают обычную профессию, вступают в брак не по этническому признаку и т. д. Вторая категория – это дети мигрантов, которые родились здесь, но они часто ездят на родину. Соответственно, они могут сравнить, каково это жить "здесь" и жить "там". И у них формируется проблема двойного отрицания. С одной стороны, они чувствуют себя дистанцированными от принимающего российского сообщества. С другой стороны, на родине их не воспринимают как своих, поскольку они не знают традиций, неправильно говорят на родном языке и т. п. Наконец, третья категория детей из семей

мигрантов. Как правило, в раннем детстве они часто ездили на родину, первичную, начальную социализацию проходили там. Они отчасти транслируют свою национальную культуру, ценности, религию.

Яковлев А. И.: А вот этот алгоритм как раз, в какой-то степени, подтверждает мой комментарий касательно кризиса сломанной повседневности в плане дальнейшего получения образования. Вот кто такой студент-первокурсник? У него как раз ненормальная жизнь – сломанная повседневность, потому что раньше была нормальная жизнь – школьная, а сейчас у него всё иное, новое. И он, попадая в новый для него статус студента, пытается заново выстроить свою повседневность, "онормалить" её. И здесь все студенты, независимо от того, мигранты они или нет, пытаются заново настроить свою повседневную жизнь, сделать её привычной, комфортной для себя. А по факту, большая часть студентов по своей сути – мигранты. Многие же приехали учиться из других населённых пунктов, в том числе малых городов, сёл. И в этой новой для себя студенческой среде, независимо от того, россиянин ты или иностранный гражданин, все они находятся в относительно равных условиях. У всех идёт практически идентичный процесс адаптации к новым условиям, принимающему сообществу.

Ковалевский А. В.: А далее уже происходит процесс профессиональной социализации. И значительная часть представителей мигрантского сообщества выпадает из образа мигрантов именно через профессиональную сферу. Доминирующим становится не этнический, а профессиональный образ. Например, он уже не мигрант – выходец из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и т. п., а, скажем, врач, учитель, представитель власти, чиновник, журналист местного телеканала, ведущий праздников, корпоративов и пр. И эти люди местным сообществом совершенно не воспринимаются как мигранты. Это тоже один из показателей успешной адаптации и интеграции мигрантов.

Винокурова А. В.: Ещё немаловажный момент заключается в том, каким образом властные структуры, экспертное сообщество могут влиять на процесс адаптации и интеграции мигрантов в принимающем региональном сообществе?

Сердюков К. Н.: Если говорить о формальных институтах, в том числе и властных структурах, то необходимо учитывать, что иностранная трудовая миграция – это важнейший элемент социально-экономического развития всего дальневосточного макрорегиона. Соответственно, формальные институты не могут не участвовать в содействии культурной адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов. Со стороны властей важна правовая, консультационная поддержка мигрантов, также необходимо информировать местное население о позитивных эффектах пребывания иностранных работников на Дальнем Востоке. Важно находить и показывать положительные примеры межнационального взаимодействия и согласия. Это будет способствовать изменению устоявшихся стереотипов о мигрантах в лучшую сторону.

Хотя сама иностранная трудовая миграция порождает целый комплекс разного рода проблем. Во-первых, это несовершенство существующей системы безвизового въезда и пребывания иностранных граждан, другими словами, очень мало действующих эффективных механизмов безвизового режима. В качестве альтернативы представляется целесообразным применение системы организованного набора иностранной рабочей силы. У нас есть межправительственные соглашения с Узбекистаном и Таджикистаном. Но по прошествии времени стало очевидным, что оргнабор на практике показывает свою неэффективность. Этим механизмом в его текущем состоянии не хотят пользоваться ни работодатели, ни сами мигранты. Ещё одна проблема – это неприемлемое исполнение миграционного законодательства. Причины прозаичны – несовершенство механизмов реализации контроля в области миграционной политики, а также высокая коррумпированность миграционной сферы в целом. Вот, например, существующий уже довольно давно экзамен для мигрантов на знание русского языка. Его часто не сдают, а просто покупают. Можно обратиться к проблеме нелегальной миграции. Хотя сам этот термин дискуссионный, возможно, не всегда его используют корректно. Но приведу пример, наглядно иллюстрирующий данную ситуацию. За 2022 год в Приморье зафиксировано более двухсот тысяч фактов постановки на миграционный

учёт иностранных граждан и лиц без гражданства, въехавших в регион с целью осуществления трудовой деятельности. При этом количество выданных патентов на ведение трудовой деятельности составляет менее тридцати тысяч. Вместе с тем официальных уведомлений о заключении трудового договора на основании патента и вовсе получено менее десяти тысяч. Возникает вопрос: а где все остальные? Получается, что из всех мигрантов, оформивших патенты, легально работали около трети. Соответственно, мы имеем большое число мигрантов, которые находятся на нелегальном положении.

Но позитивные моменты тоже есть. Например, в 2021 году во Владивостоке начал работать многофункциональный миграционный центр. Здесь мигранты могут получить весь спектр услуг, в том числе консультации по оформлению документов, переводческие услуги и пр. И сами мигранты говорят о том, что те, кто хочет иметь легальный статус, не имеют проблем с законом идут именно туда, в этот центр. Также в 2022 году открылся образовательный учебный центр для мигрантов "Приморье – наш общий дом", где проходят занятия по обучению русскому языку, проводятся просветительские мероприятия.

Яковлев А. И.: Дополню, что в других дальневосточных регионах большую просветительскую работу с мигрантами, иностранными гражданами проводит Ассамблея народов Республики Саха (Якутия) и Ассамблея народов Хабаровского края.

Ардальянова А. Ю.: Общественные организации, в том числе и религиозные, диаспоры, землячества также могут способствовать и способствуют через различные неформальные инструменты успешной адаптации мигрантов в принимающем региональном сообществе. Это те места, где мигранты могут получать социальную поддержку и защиту.

Винокурова А.В.: Коллеги, подводя итоги нашего мероприятия, отмечу, что основной тренд, связанный с миграционными процессами на Дальнем Востоке, состоит в том, что идёт отток местного населения и в какой-то степени происходит его замещение за счёт мигрантов из стран Центральной Азии. Это порождает различные проблемы в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан в принимающем региональном сообществе. И ситуация является более благоприятной там, где сильны традиции продолжительного межнационального взаимодействия, например, в Республике Саха (Якутия). Да и в других регионах, в Хабаровском крае, в Приморье, где большая часть местного населения – это потомки мигрантов, приехавших в своё время на Дальний Восток из разных уголков Российской Империи, Советского Союза. А сейчас в процессе адаптации и интеграции мигрантов немаловажную роль играют образовательные институты, профессиональные сообщества, религиозные структуры, сектор НКО, представители властей различного уровня – регионального, муниципального. Важен диалог местного населения и мигрантского сообщества, а если смотреть шире, то наука – власть – гражданское общество.

Коллеги, большое спасибо за интересные выступления, считаю, что обмен мнения состоялся и был весьма содержательным.

Информация об авторах

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardy2004@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, проректор по цифровой трансформации и стратегическому развитию Хабаровского краевого института развития образования Хабаровск, Россия; младший научный сотрудник департамента научных исследований Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: kovalevskiy@yandex.ru

Константин Николаевич Сердюков, канд. соц. наук, научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток, Россия; научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: customs-toll@yandex.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия; научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Information about the authors

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardy2004@mail.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Andrey V. Kovalevsky, Vice-Rector for Digital Transformation and Strategic Development, Khabarovsk Regional Institute for the Development of Education, Khabarovsk, Russia; Junior Researcher, Department of Scientific Studies, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: kovalevskiy@yandex.ru

Konstantin N. Serdyukov, Candidate of Sociology, Researcher, Pacific Geographical Institute, FEB RAS, Vladivostok, Russia; Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: customs-toll@yandex.ru

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Historical Faculty, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Поступила в редакцию 20.05.2023

Received 20.05.2023

Принята к публикации 25.05.2023

Accepted 25.05.2023